

ПОКИНУТЫЕ В ЕВРОПАХ

Глеб Павловский

СОБЫТИЕ

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, директор Русского Института

О существовании «новой Европы» в Москве узнали из американских газет 2003 года — в версии Дональда Рамсфельда. Польша для российского сознания идеологический дериват, вторая производная отсутствия стратегического интереса к Евросоюзу. О собственно Евросоюзе думать стали 5 лет спустя, прошлым летом — в контексте двух кризисов, кавказского и глобального. Кризис прояснил отличие реальных ценностей от их дериватов.

Иные из послевоенных расправ Иосифа Сталина (назовем это имя-пугало сразу) были зверской формой его предусмотрительности. Он упрямо душил в колыбели любой проект региональной сверхдержавы в Восточной Европе, хотя б и «социалистической». В фокусе его опасений, кроме Тито с Балканской федерацией, всегда была Польша. (Едва ли Сталин согласился бы даже на

то, чтоб советский антинатовский пакт стал Варшавским!). И совершенно зря — в «мире Ялты» не было места ни национальной России, ни Польше-региональной сверхдержаве. Зато крушение послевоенной модели мира вернуло обе возможности одновременно.

Но постялтинский мир тоже преходящ. Кризис 2008 года кладет предел переходности, образ посткризисного будущего неясен. Россия и Евросоюз, новинки и экономические хиты десятилетия — поколеблены и поставлены под вопрос. Если кризис 1989—1991 года вскормил феномен и кадры мегатеррора, то кризис 2008-..? годов обещает смену стиля и кадров деструктивности.

Для Польши большой ставкой в игре является отнюдь не «новая Европа» внутри ЕС. То чем Грузия хотела бы, но не может стать на Кавказе, Польша хочет и, не исключено, может быть в Восточной Европе: dangerous nation, опасной нацией. Чтобы стать региональной сверхдержавой, она обязана сперва стать опасной всеерьез. Поэтому Грузия и Польша, первая как генератор антироссийских кризисов, вторая как их всеевропейский мультипликатор, атакуют «обе империи», ЕС и Россию. Одну изнутри, другую извне.

В стратегическом вакууме пост-СССР, Америка выступает маньяком-экспериментатором, с затеями разной экзотич-

ности — от былых проектов турецкого спонсирования демократии для Кавказа, до польско-литовского тандема в роли промоутера восточной политики ЕС. При этом, Америке в Восточной Европе так же не интересна реальность, как и Россию долго не интересовало проектирование региональной стабильности на долгий срок. (Американские импровизации вызывают в Москве нервность большую, чем даже их «коварные замыслы».) Между тем, что еще нужно России от Восточной Европы, кроме стратегической стабильности? Сегодня, когда Россия приступает к уточнению своей системы приоритетов в регионе, ясно, что именно этого ей не дадут. Ночной автомобильный «штурм» границы Южной Осетии президентским кортежем Саакашвили-Качиньского — пародийный ремейк «марша на Фиуме» — не смешон. Этот взрывной креатив много обещает нам от грядущей посткризисной эпохи. Временный уход США в их прежней двусмысленной роли возобновляет вакуум начала 1990-х, но теперь это вакуум, полный хищников-претендентов. Отличие Польши от прочих в том, что она пытается управлять, и уже управляет некоторыми, кто помельче.

Императивом любой будущей стратегической стабильности России в столь опасно «многосторонней Европе» становится *сдерживание Польши*. Возможно, с помощью Евросоюза. Возможно, без. ■